

Научная статья

УДК 81'27

DOI 10.17223/18137083/87/19

**Хранительница нематериального культурного наследия:
о роли бабушки в передаче этнического языка и культуры
(на материале социолингвистических обследований
в чувашской и марийской диаспорах
Московского региона)**

Марина Васильевна Куцаева

Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

marina.kutsaeva@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>

Аннотация

На материале, полученном автором в ходе проведения социолингвистических обследований в чувашской и марийской диаспорах Московского региона, рассматривается один из важных механизмов внутрисемейной передачи этнического языка – от старших к младшим. Межпоколенческая трансмиссия языка от родителей к детям в условиях города (в выборке – уроженцы городской среды в первом поколении диаспоры и опрошенные во втором поколении) представляется крайне слабой, при этом язык является одним из ключевых маркеров этнической идентичности респондентов. Задача передать этнический язык возлагается в большинстве случаев на старшую женщину в семье. В статье изучается роль, которую играет бабушка в передаче этнического языка, традиций, обычаев, религиозного мировоззрения подрастающему поколению.

Ключевые слова

чувашский язык, марийский язык, этнический язык, внутренняя диаспора, Московский регион, семейная языковая политика, нематериальное культурное наследие

Для цитирования

Куцаева М. В. Хранительница нематериального культурного наследия: о роли бабушки в передаче этнического языка и культуры (на материале социолингвистических обследований в чувашской и марийской диаспорах Московского региона) // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 240–253. DOI 10.17223/18137083/87/19

© Куцаева М. В., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 240–253

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 240–253

**Keeper of intangible cultural heritage:
the role of grandmothers in the transmission of ethnic language
and culture (a case study of sociolinguistic surveys
in the Chuvash and Mari diasporas in the Moscow region)**

Marina V. Kutsaeva

The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
marina.kutsaeva@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>

Abstract

An essential mechanism for transmitting ethnic language within families involves the transfer from older to younger generations, with grandmothers playing a prominent role in this process. The paper presents the findings of the field research conducted within the Chuvash and Mari internal diasporas of the Moscow region. The study subjects were the first-generation natives of the diaspora urban environment and the second-generation representatives. The findings indicate that intergenerational language transmission is notably weak, mainly because Russian is omnipresent in urban environments and minority languages are marginalized due to prevailing linguistic ideologies. Although being recognized as state languages along with Russian in the relevant administrative-territorial entities, Chuvash and Mari languages do not have this status in the internal diaspora, becoming minority languages. Nevertheless, according to the research results, ethnic language is one of the key markers of ethnic identity necessary for preserving ethnic group boundaries. In the majority of cases, the task of preserving the ethnic language is assigned to grandmothers, the eldest women in the family, who reside in the rural area of their small native land. This model follows the long-existing practice of city dwellers sending their children to the countryside in summer for the latter to learn an ethnic language in the natural environment by communicating with their grandmother. Besides teaching the ethnic language, the grandmother also imparts knowledge about ethnic customs and traditions, such as ethnic cuisine, songs, and elements of folk and religious culture, making her a valuable keeper of intangible cultural heritage.

Keywords

Chuvash language, Mari language, ethnic language, internal diaspora, Moscow region, family language policy, intangible cultural heritage

For citation

Kutsaeva M. V. Keeper of intangible cultural heritage: the role of grandmothers in the transmission of ethnic language and culture (a case study of sociolinguistic surveys in the Chuvash and Mari diasporas in the Moscow region). *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 240–253. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/19

В 2014–2017 и 2019–2021 гг. автором статьи были проведены социолингвистические обследования в чувашской и марийской диаспорах Московского региона соответственно. Чуваша и марийцы, автохтонное население Среднего Поволжья, в силу ряда исторических причин проживают как компактными, так и дисперсными группами за пределами соответствующих территориально-административных образований (35,8 % чувашей (382 209 чел.) – вне Чувашской Республики и 41,8 % марийцев (177 243 чел.) – вне Республики Марий Эл (ВПН, 2020)) и образуют на территории Российской Федерации внутреннюю диаспору, что обусловило научный интерес автора, в частности, к вопросу функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры на примере Московского региона.

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2

В Москве и Московской области зафиксировано проживание 17 693 чувашей и 3 165 марийцев (ВПН, 2020).

Обе выборки являются репрезентативными (100 чел. в чувашском обследовании и 106 чел. в марийском) и включили представителей первого и второго поколений диаспоры (подробнее об опыте данных обследований см.: [Куцаева, 2020а, с. 36–39; 2022, с. 117–119]). В настоящей работе приведем наиболее релевантные обсуждению сведения относительно первого поколения (табл. 1, 2). Второе поколение представлено 15 чел. в чувашской выборке и шестью в марийской. Все опрошенные идентифицируют себя в качестве этнических чувашей или марийцев соответственно.

Таблица 1

Половозрастная структура выборок в первом поколении

Table 1

Sex and age structure of the first generation sample

Выборка	Число респондентов в возрастной когорте									
	20–30		31–40		41–50		51–60		61–84	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Чувашское обследование	7	10	9	14	5	5	10	11	9	5
Марийское обследование	12	19	12	14	8	6	6	14	4	5

Таблица 2

Место рождения и проживания респондента на малой родине
(первое поколение в выборке)

Table 2

Place of birth and residence of the respondent in the small native land
in the first generation sample

Выборка	Число респондентов, уроженцев соответствующего типа населенного пункта		
	деревня	поселок городского типа	город
Чувашское обследование	55	10	20
Марийское обследование	83	8	9

Описание функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры предполагало составление лингвистических биографий респондентов, выявление актуального использования этнического языка (сферы употребления и функции, закрепленные за этническим языком), а также соблюдения этнических традиций и обычаев, включая религиозные. При обсуждении данных аспектов опрошенными неоднократно упоминалась фигура бабушки, с ней же – как представительницей старшего поколения в семье – связывались надежды на передачу языка и знаний о культуре подрастающему поколению. «Сто процентов, без ба-

бушки не было бы моего марийского» (М., № 65, I, м., 43)¹; «Были бы живы бабушка с дедушкой – знал бы больше на чувашском» (Ч., № 99, I, м., 63), – считают те, кто был лишен в детстве возможности общения с бабушкой.

В ходе сопоставительного анализа результатов, полученных в обеих выборках, были выявлены некоторые общие аспекты, которые будут освещены ниже: роль бабушки как старшей женщины рода в передаче этнического языка и знаний об этнической культуре (традиционная кухня, музыкальная этническая культура, соблюдение народно-праздничной и обрядовой культуры) и в формировании религиозного мировоззрения опрошенных. Такого рода обычаи, традиционные знания и навыки коренных народов формируют у общины чувство самобытности и преемственности, язык выступает в качестве носителя нематериального наследия (Конвенция..., 2003, ст. 2). В выборках ключевыми маркерами этнической идентичности признаны принадлежность роду (малая родина, корни, детство, родители, предки), язык, знание традиций и обычаев [Куцаева, 2020а, с. 184–185], [Куцаева, 2020б, с. 126–127]. Хранителем живого наследия, по свидетельству опрошенных, выступает (или являлась в прошлом) бабушка.

Подавляющее большинство опрошенных являются уроженцами сельской среды (см. табл. 2), однако уроженцы городов и поселков городского типа, как показало изучение их лингвистических биографий, сохраняли тесную связь с деревней: родители респондентов переехали в город или поселок городского типа, а старшие родственники, как правило, проживали в деревне. В случае проживания респондентов в небольших населенных пунктах с моноэтническим составом населения (марийская / чувашская деревня) внутрисемейное общение всех членов семьи осуществлялось на «своем» языке. Иная ситуация складывалась, если респондент проживал в городе или поселке городского типа и в ряде случаев (в младших когортах) – в крупном селе, со смешанным составом населения; сюда же относим и Кировских марийцев, особенно представителей младших когорт, которые, хотя и являлись уроженцами марийских деревень, испытывали сильное влияние русского языка (русский в качестве языка воспитания и обучения в дошкольных учреждениях и в школе, использование марийского старшими членами семьи исключительно в бытовой сфере общения и доминирование русского в других сферах, как следствие – рост предубеждения в отношении марийского языка). Языком внутрисемейного общения являлся русский, однако родители использовали этнический язык в общении между собой (часто – в качестве «секретного» языка). Задача обучить ребенка этническому языку (если такие цели формулировались для себя поколением родителей) возлагалась на старших родственников, преимущественно на бабушку (ситуация своего рода не уникальная, характерная и для других народов (см. [Агранат, 2021, с. 14]). Идея подобного освоения чувашского или марийского унаследована и респондентами первого поколения в выборках: они считают, что их дети, представители второго поколения внутренней диаспоры, смогут выучить язык «летом у бабушки», как когда-то это происходило с другими «городскими детьми». Косвенно это свидетельствует об отсутствии желания родителей самостоятельно передавать язык детям, шире – о засилье языковых идеологий, имплицитно выражаемых в негативном отноше-

---

¹ Здесь и далее в скобках последовательно приводится указание на обследование (принятые сокращения: Ч. – чувашское, М. – марийское), номер анкеты респондента, поколение в выборке (I, II), пол (м., ж.), возраст респондента.

нии к языку: «Сильно я не хотела ей чувашский дать, она сама должна выбирать². Ну вот с бабушкой могла остаться, она понимала!» (Ч., № 37, I, ж., 53); «Если они вернутся от бабушки и будут по-чувашски говорить, я буду, как говорится, больше рад за бабушек-дедушек. Что они привили это – чувашский язык. Но вот детям – ну, потому что им самим потом тяжело будет в садике по-русски и по-чувашски» (Ч., № 36, I, м., 39). В настоящее время в целях создания благоприятных условий для поддержания естественной передачи языка от старшего поколения к младшему «Концепцией языковой политики Российской Федерации» предусматривается формирование в обществе позитивного образа семей, в которых родители или хотя бы бабушки и дедушки говорят с детьми на миноритарных языках (Концепция..., 2021, с. 34).

Обратимся непосредственно к вопросу, связанному с передачей старшими женщинами младшим членам семьи этнического языка.

Бабушки респондентов старших когорт владели преимущественно или исключительно этническим языком, русский язык был у них «ломаным» или отсутствовал вовсе: «Бабушки и дедушки знали очень плохо, особенно бабушки. А дедушки все-таки воевали, служили, знали русский язык» (М., № 16, I, м., 47); «У меня дедушка точно знал русский язык, он войну прошел. А бабушка совершенно не знала русского языка. Ни письменности, ни языка русского не знала» (М., № 24, I, ж., 61). По воспоминаниям участников опроса, женщинам старшего поколения в целом была свойственна более низкая в сравнении с мужчинами территориальная и социальная мобильность: «Бабушка говорила со мной по-чувашски постоянно, потому что она по-русски плохо говорила очень. Но при этом она всегда говорила, что женщина сидит дома, а вот мужчина должен уезжать, и он поэтому должен разговаривать не только на чувашском языке» (Ч., № 44, I, м., 49); «Бабушки-марийки, они редко на русском общаются, потому что они в основном еще тех времен. Они коренные марийки, русский язык некоторые знали плохо, так как жили всю жизнь в Марий Эл и общались всю жизнь на марийском» (М., № 97, I, м., 36). Определенное влияние на речевые практики оказывал уровень образования. В выборке заметно чаще женщины – педагоги по профессии – использовали в общении с внуками русский язык: «Трудностей с русским я не испытывала, потому что у меня семья – все учителя как бы, бабушка мне читала сказки на русском, на русском языке меня обучала» (М., № 96, I, ж., 28); «Я помню, что говорили по-русски. У бабушки с дедушкой был чистейший русский язык. А марийский мы слышали, когда приходили из соседних деревень их языческие родственники. Была какая-то двоюродная бабушка, она была немножко с проблемой – с головой, и она мало знала русского, она знала марийский, потому что всё время жила в деревне. И вот те фразы, слова, которые она с нами всё время разговаривала, – мы их знали. Не очень много, конечно, но на марийском» (М., № 50, I, ж., 53); «Ну, бабушка с дедушкой в основном, конечно, по-русски с внуками говорили. Они учителя, ну, люди-то образованные» (Ч., № 20, I, м., 63).

Большое значение имели ранние и устойчивые контакты с бабушкой³. Деревенские дети ввиду отсутствия детского сада воспитывались до школы дома ба-

---

² Языковой сдвиг обычно представляется в виде «выбора носителей», но действительно ли этот выбор свободный: мощное влияние на него оказывают неравновесные отношения между доминантной и миноритарной языковыми группами [Hinton et al., 2018, p. xxi].

³ Привлечение пожилых членов языкового сообщества к воспитанию детей младшего возраста на этническом языке составляет сущность метода языкового гнезда [Fishman, 1991, p. 238–239]. Эффективность этого механизма признана авторами «Концепции языко-

бушкой, что впоследствии влияло на их распределение в смешанные (параллельные) классы – с русским или национальным языком обучения: «В детский сад именно не ходил. У меня же бабушка вообще не разговаривала по-русски. Я только с нею. Она вместо садика меня воспитывала. Именно на марийском языке» (М., № 65, I, м., 43); «Село было крупное, вот делили: кто ходил в детский садик и ясли, там всё преподавали на русском, а те дети, которые не ходили в садик, их бабушки-дедушки воспитывали – тогда на чувашском, их в чувашский класс» (Ч., № 65, I, м., 56) (о влиянии на языковые практики такого фактора, как посещение ребенком ДООУ мы непосредственно указывали в [Куцаева, 2022, с. 125–126]).

Контакты городских детей с бабушкой носили сезонный характер: детей отправляли в деревню на лето, где они, как предполагалось, могли приобщиться к этническому языку («Если и не говорить, то хотя бы понимать»). Во втором поколении в выборке ввиду удаленного проживания опрошенных от малой родины родителей визиты в чувашскую или марийскую деревню не столь частые и менее продолжительные. С родителями представители первого поколения в выборке (уроженцы городской среды), а также представители второго поколения использовали преимущественно русский язык в собственно коммуникативной функции. О влиянии языковых идеологий на выбор языка общения мы указывали в некоторых других наших работах, здесь же ограничимся цитатой из интервью с респондентом, в которой довольно выпукло представлено общее положение с этническими языками и отношением к ним, в том числе и самих носителей, вследствие осуществлявшейся в те годы языковой политики: «Родители с нами разговаривали только по-русски. Потому что они, я так думаю, ошибочно считали, если русский язык человек – ну, будет только русский – чтобы не путался, то он большего достигнет чего-то. А кроме того, вся политика была государственная, что чувашский язык на втором месте. И вообще, менталитет был такой: городской это, а если деревенский – не котировались люди деревенские» (Ч., № 12, I, м., 58). За этническим языком во внутрисемейном общении в городской среде в лучшем случае закреплялись некоторые другие функции: «тайного» языка, эмоциональная (об этом см.: [Куцаева, 2020а, с. 130–135; 2021а, с. 62–66]).

В этих обстоятельствах коммуникация респондентов с представителями самого старшего поколения в семье осуществлялась главным образом путем использования дуально-лингвальной модели, при которой собеседники прибегают к употреблению каждый «своего» речевого кода [Smith-Christmas, 2016, p. 59] или монолингвальной модели (исключительно русский язык), причем последняя модель, кажется, получает всё большее распространение, особенно в младших когортах: «Бабушка иногда разговаривала на марийском, насколько произвольно – не знаю. По большей части всё же на русском общались. Скорее всего, она понимала, что я ее не очень понимал, и поэтому говорила на более понятном мне языке» (М., № 46, I, м., 30); «Дедушка с бабушкой между собой могли разговаривать, но я всегда говорила: “Бабушка, говорите, пожалуйста, по-русски!”». Нам они ничего на марийском не говорили, между собой так» (М., № 33, I, ж., 27). Наблюдая за языковым поведением взрослых, особенно тех, кто является для них авторитетом (родители, старшие сиблинги), дети замечают роль, которую играет

вой политики Российской Федерации», методика рекомендована к реализации в случае прекращения внутрисемейной передачи языка от старших к младшим (Концепция..., 2021, с. 34).

в этих взаимодействиях язык, точнее выбор того или иного языка общения [Smith-Christmas, 2016, p. 110].

Использование в общении исключительно этнического языка или дуально-лингвальной модели обусловлено также «несгибаемым» характером бабушки (особенно в случае опрошенных в младших когортах, старшие родственницы которых с большой долей вероятности владели русским языком⁴): «С бабушкой на марийском. У нее прямо было принципиально. Не понимаешь – твои проблемы! Мне по барабану, я буду говорить, как мне удобно. Она всю жизнь прожила в марийской деревне. Она понимала всё, что ты можешь по-русски сказать, но выдавала ответ обязательно на марийском. Мы с сестрой, конечно, что мы знали, мы ей отвечали на марийском: давай, покажем, что мы тоже можем!» (М., № 42, I, м., 31). Отметим, что в отношении представителей второго поколения диаспоры (детей наших респондентов) репутация «несговорчивой» бабушки всё чаще закрепляется за прабабушкой, поскольку сами бабушки, как правило, используют русский язык. Помимо летних языковых «стажировок» у бабушки в деревне, другим вариантом приобщения ребенка к этническому языку⁵ (в выборке это представители старших когорт) были контакты с бабушкой, которая переезжала к детям в город и употребляла в ежедневном общении с внуками только этнический язык: «Я по-чувашски, знаете, как научился разговаривать? Потому что у нас была бабушка девяноста лет. Она когда с нами сидела, она просто не знала по-русски. И нужно было с ней общаться» (Ч., № 12, I, м., 58); «Пришлось говорить на чувашском, потому что папина мама стала жить с нами, она в возрасте была, только на чувашском говорила» (Ч., № 47, I, м., 73).

В отношении длительности и регулярности контактов с бабушкой необходимо отметить следующее: старшим «городским» внукам, вполне естественно, «доставалось» больше общения с бабушкой, что в итоге коррелирует с их уровнем владения этническим языком. Старшие внуки заметно чаще декларируют знание этнического языка или владение им в сравнении с младшими, которые могли и не застать бабушку или, приезжая в деревню, чаще прибегали к использованию русского языка в общении со старшими детьми: «Я-то знала более-менее, потому что летом в деревню ездила постоянно к бабушке. Вот мои сестра и брат – они уже не ездили, бабушка тогда умерла. То есть я ездила – и я знала, а они, получается, не ездили – и не знали» (Ч., № 22, I, ж., 62). О влиянии речевых практик старших сиблингов, прошедших систему социализации в школе на мажоритарном языке,

---

⁴ Курс на достижение всеобщего национально-русского двуязычия был взят в 1970-х гг., «в этих условиях русский язык всё более становится фактически родным языком или вторым родным языком большинства советских людей» [Исаев, 1982, с. 115–116]. Несмотря на многозначность и некоторую затемненность термина «родной язык» [Куцаева, 2020а, с. 30–34], в данном контексте очевидно его употребление в значении «функционально первый язык» независимо от этнической принадлежности говорящих.

⁵ В процессе обращения вспять языкового сдвига приоритетная роль принадлежит внутрисемейной коммуникации, когда язык передается естественным путем от поколения к поколению (GIDS стадия 6) [Fishman, 1991, p. 395], однако для достижения положительного эффекта требуются усилия со стороны всех членов семьи, включая представителей среднего поколения, что в случае наших респондентов не имело места вовсе, поскольку, будучи несвободными от идеологических установок прошлого, таких целей родители опрошенных перед собой не ставили. В реализации семейной языковой политики трансмиссия миноритарного языка предполагает коренную трансформацию лингвистических практик в семье (включая всех домочадцев) и в языковом сообществе в целом [Smith-Christmas, 2016, p. 112].

на младших и неизбежном переходе последних на «большой» язык см. [Smith-Christmas, 2016, p. 49–56], об этом же сообщали и наши респонденты: «Когда я родилась пятым ребенком, я вообще не знала родного языка! А старшие братья знали, но со мной они по-русски. К сожалению, не застала бабушек и дедушек» (М., № 12, I, ж., 50).

По мнению респондентов-горожан, школьные годы которых пришлись на языковые реформы в области образования, внедрение обязательного изучения титульных языков в качестве государственных (в 1990-х гг.), уроки чувашского или марийского в школьном расписании едва ли принесли им ощутимую пользу: «Чувашский я знала до школы, потому что бабушка у меня говорит по-чувашски. Именно бабушка заложила, таким образом, необходимость изучения языка. В остальном, скажем так, мне не донесли, зачем мне учить язык – именно этот язык» (Ч., № 33, I, ж., 26). Необходимость выхода за пределы монолингвальности (русский язык в городской среде) и развития двуязычия, следовательно, определялась речевыми практиками, сложившимися благодаря старшим членам семьи. Если бабушки и дедушки говорили с внуками по-русски или допускали использование дуально-лингвальной модели, респонденты не испытывали потребности учить и активно использовать этнический язык: «Бабушки – они между собой по-марийски, а вот с нами по-русски, потому что мы приезжали – мы ни слова! Они могли по-марийски начинать говорить, понимали, что мы не понимаем. Ну, неохота же что-то делать, выполнять! Делает вид, что не понимаешь. То есть практика как таковая была, но не было необходимости – изучить глобально. Если бы была более жестко поставлена цель: вообще – ни слова по-русски, допустим. Может быть, изучал бы» (М., № 59, I, м., 41); «Бабушки, естественно, разговаривали на марийском языке между собой. Но с нами они разговаривали на русском. Я понимаю в принципе марийский. Просто сам на практике никогда им не пользовался, ничего сказать не могу. То есть могу при желании какие-то фразы построить, если долго над этим думать. Просто не с кем. Нет необходимости и не было. И прикладной его функции в жизни не встречается. И не встречалось никогда» (М., № 66, I, м., 42).

Ввиду того, что с городскими детьми (и с уроженцами средних населенных пунктов в сельской местности) на этническом языке общались скорее старшие родственники, со всей неизбежностью за этническим языком закреплялся образ «языка бабушки» в pejоративном смысле (прочная ассоциация с пожилыми людьми, деревенским образом жизни, языком бытовым в сравнении с «большим» языком, охватывающим широкие сферы использования). Впрочем, ряд респондентов, преимущественно мужчины, которые в общении с бабушкой в детстве использовали дуально-лингвальную модель, с возрастом ощутили острую потребность восполнить сложившийся языковой вакуум и предпринимали усилия по реактивации этнического языка. Основным источником выступала бабушка: ее голос записывался на магнитофонную ленту, она помогала вести тетради, в которые заносились слова на этническом языке, респонденты начинали отвечать бабушке на «бабушкином» языке: «Первоначально отвечал на русском бабушке, а потом на марийском. Совесть просто замучила всё время на русском отвечать! Какой-то прогресс, наверное, сделал внутри себя и начал на марийском говорить. И бабушка мне по телефону говорила: “Скажи по-марийски!” Потому что, когда люди пожилые становятся, для них русский язык, получается, он немножко чужой» (М., № 39, I, м., 29).

В настоящее время на малой родине респонденты, особенно молодые уроженцы городской среды, склонны использовать этнический язык в семейно-бытовой сфере ⁶ скорее с самыми пожилыми родственниками, чем с родителями: «На родине – ну русский в основном тоже, с бабушкой только я разговариваю на марийском» (М., № 43, I, ж., 25); «Между собой сейчас на русском. Раньше, когда с бабушками контактировали, тогда на марийском больше» (М., № 51, I, м., 29). Помимо употребления языка в коммуникативной, пусть и ограниченной узким кругом лиц, функции, этнический язык используется респондентами в эмоциональной функции: «Я на чувашском ругаюсь, потому что нас бабушка с дедушкой так ругали на чувашском» (Ч., № 58, I, ж., 33); «Но когда в деревне, то ругательства на марийском – это более жестко звучит. И поэтому здесь как раз явно по-марийски высказываюсь – по отношению к хозяйственной деятельности. Когда управляешься с хозяйством, с животными. Им это привычнее, поэтому и лучше слушаются. Поэтому с детства знал, что с ними лучше на более понятном им языке» (М., № 59, I, м., 41); «Есть у меня словечки на марийском. И все эти фразы я слышал от бабушки. Возможно, так уже и не говорят, но это отложилось у меня в голове!» (М., № 42, I, м., 31). Кроме того, некоторой части респондентов в обеих выборках (и активным, и пассивным билингвам) доводится видеть сны на этническом языке. Частым мотивом этих снов является встреча с бабушкой, с которой в жизни участники опроса говорят или говорили (нередко снятся усопшие родственники) на чувашском или марийском соответственно: «На марийском тоже вижу: у меня так сложилось, если я бабушку вижу, своих, которые уже ушли» (М., № 45, I, ж., 35); «Марийский бывает, но очень редко. Это когда, например, во сне бабушка с дедушкой появляются, тогда да – могут что-то на марийском» (М., № 31, I, м., 36).

Заключительный блок анкеты касался вопросов поддержания и сохранения этнической культуры в условиях внутренней диаспоры. Культурологический аспект был освещен нами в [Куцаева, 2020а, с. 187–198; 2021б], здесь же рассмотрим роль старшей женщины в семье в передаче знаний об этнической культуре. Знакомство с традициями и обычаями, а также их соблюдение являются важным маркером этнической идентичности в выборках и способом поддержания этнических границ группы в условиях диаспорного проживания. В этом смысле получение знаний о нематериальном культурном наследии и развитие сопутствующих умений и навыков связаны именно с фигурой бабушки.

В первую очередь это касается традиционной кухни: рецепты некоторых несложных блюд, таких как чувашский пирог *хуплу* или вареники *нуремеч*, марийские пироги *подкогыльо* или трехслойные блины *коман мелна*, которые респонденты часто готовят и в Московском регионе, напоминают о малой родине, детстве, маме и бабушке: «Соблюдаю традиции: пирог чувашский пеку, это такой картофель с мясом, всем нравится, его еще *хуплу* называют. Это даже не мама, а бабушка скорее передала его, в городе каких-то традиций чувашских не было.

---

⁶ Кроме того, один из вопросов анкеты касался дистрибуции языков СМИ (на каких языках респонденты смотрят ТВ, слушают радио, читают газеты и пр.). Оказалось, что возможность послушать радиопередачу, полистать местную газету на этническом языке связана в представлении опрошенных в большей степени с домом бабушки: «А вот когда в деревне был, бабушка выписывала на горномарийском. Всегда брал, оттуда и узнал написание вот этих слов, мне было интересно!» (М., № 27, I, м., 37); «Телевизор в последнее время смотрю только у бабушки. Она смотрит всё чувашское – музыкальные поздравления, чувашские передачи» (Ч., № 39, I, ж., 40).

Это был чисто русский город в то время (Чебоксары. – М. К.)» (Ч., № 21, I, ж., 55); «Я, конечно, всё умею. Все те блюда, которые готовили наши бабушки» (М., № 60, I, ж., 30); «Но это всё ностальгия по бабушке просто – это мое детство» (М., № 41, I, ж., 29). Более сложная рецептура утрачивается, чувашские респонденты с сожалением говорили о том, что не успели перенять от бабушки традицию пивоварения, характерную для чувашской культуры. Некоторые опрошенные, преимущественно мужчины в выборке, заявили о своем желании восстановить рецептуру пива [Куцаева, 2020а, с. 188–189]), в марийской выборке – возобновить приготовление *пушто* (толокна) [Куцаева, 2021б, с. 11].

Песни на чувашском или марийском, позволяющие унять ностальгию по малой родине, адаптироваться в новых условиях жизни, крепко связаны в представлении опрошенных с домом, малой родиной, в ряде случаев – со старшей женщиной в семье: «Все песни, которые бабушка мне пела в детстве, сидя около печки, либо летом где-то на лужайке мы гуляли, либо на праздниках каких-то – всё это мне близко» (М., № 20, I, ж., 41). Песни на этническом языке, особенно те, что пелись бабушкой в детстве, служат своеобразным проводником в язык для слабо владеющих им, уроженцев городской среды в выборке: «У бабушки с дедушкой, когда они юбилей справляли и гостей звали, много же гостей из деревень приезжает, они пели песни. И там были две интересные песни, тягучие какие-то, особенно когда гостей провожают. Очень интересные, мне они нравились, и вот когда стала постарше, мне захотелось их выучить. Изучала по магнитофонной ленте, не всё понимала, у мамы спрашивала» (Ч., № 21, I, ж., 55). Передача знаний о музыкальной культуре подрастающему поколению признается важной многими опрошенными: «Хочется передать. Культура. Чтобы они знали, например, любимые песни моих бабушек, любимые песни нашей семьи. Мы же не всегда... вечные. Чтобы помнили нас, пели песни» (Ч., № 38, I, ж., 43).

Сохранению празднично-обрядовой культуры способствуют тесные связи опрошенных с малой родиной, с этнической деревней, которая, несмотря на существенные изменения в современной жизни, остается центром сосредоточения народных традиций и знаний [Калинина, 2019, с. 160]. Респонденты регулярно выезжают на малую родину для участия в традиционных народных праздниках, таких как чувашский *Симёк* и марийский *Семьк* (летнее поминовение усопших), посещают организованные землячества в Москве чувашский *Акатуй* или марийский *Пеледыш пайрем*, посвященные окончанию весенних полевых работ. В быту отмечают и другие народные праздники, обрядовая часть которых также может быть связана с детством, бабушкой: «*Сурхури* – это обязательно. Рождество. Орехи кидаю, дети ловят, собирают. Моя бабушка всегда так делала» (Ч., № 73, I, ж., 47); «По-русски же вот Пасха, а у нас *Кугече*, например. Уже как-то всегда родители, бабушка с дедушкой перед тем, как сесть за стол, что-то говорили. Тоже я пытаюсь на марийском» (М., № 88, I, ж., 40).

Кроме того, с бабушкой в представлении респондентов ассоциируется язык религии. С одной стороны, это знакомство с молитвами (в том числе на этническом языке), конфессиональной литературой, непосредственно принятие респондентами православия в чувашской выборке [Куцаева, 2020а, с. 151] и частично марийской (уроженцы Горномарийского района и некоторых других районов республики, где проживают луговые мари). С другой стороны, это приобщение части луговых мари к марийской традиционной религии или к языческому компоненту синкретизма, характерного для религиозной жизни значительного числа луговых марийцев. Бабушка, по воспоминаниям респондентов, брала с собой внуков на мо-

ления в священную рощу *кўсото*, учила молиться марийским богам и духам, соблюдать правила поведения в роще, формируя, таким образом, особое отношение к природе: «Бабушка моя была язычницей, потому что мы всегда ходили в рощу молиться всем богам, то есть выходила вся деревня» (М., № 20, I, ж., 41); «За водой ходим. У нас там есть свое место, где святая вода. Обращаемся на марийском. Бабушка говорила, как брат, как туда зайти – всё соблюдаем, всё знаем!» (М., № 88, I, ж., 40).

Нематериальное культурное наследие и язык в качестве его носителя проявляются в устных традициях и формах выражения, исполнительских искусствах, обрядах и празднествах, знаниях и обычаях, относящихся к природе и вселенной или связанных с традиционными ремеслами (Конвенция..., 2003, ст. 2, п. 2). На индексную и символическую связь языка и определенной этнокультуры (а также на их соотношение как части и целого) указывал Дж. Фишман. Язык и культура «выросли вместе», наилучшим образом сонастроены друг на друга, им свойственна парциальная идентичность, т. е. элементы культуры выражаются, имплементируются и реализуются посредством языка, с которым данная культура теснейшим образом ассоциируется [Fishman, 1991, p. 20–24].

Поскольку ввиду указанных выше факторов передача языка от родителей к детям в семье слабая, постольку респонденты второго поколения диаспоры демонстрируют остаточные знания языка и культуры в целом [Куцаева, 2020а, с. 197; 2021б, с. 18]. В отсутствие полноценной коммуникации между бабушкой и внуком (в идеале – на этническом языке) передача знаний о культуре (песни, молитвы, заповеди, пословицы, сказки, формулы приветствия, проклятия и благословения и пр., выражаемые через язык [Fishman, 1991, p. 24]) представляется невозможной: «Бабушка по-русски не говорила, до ее смерти мы общались так: я как бы ее всё время обнимал, целовал. Как бы – бабушка, привет» (Ч., № 42, II, м., 32). Ревитализация языка в диаспоре возможна путем восстановления ослабленной или прерванной внутрисемейной передачи языка и посредством активизации бытования *языка-в-культуре* [Ibid., p. 17]. Начать говорить на языке предков подразумевает восстановление связей с прошлым, лингвистическим и культурным наследием, особенно если живы еще старшие родственники: это принесет несомненную пользу как старшим, так и младшим членам семьи, позволит приблизиться к пониманию своего культурного наследия и создать новое будущее для культуры [Grenoble, 2021, p. 12]. Результаты наших социолингвистических обследований в диаспоре свидетельствуют о ключевой роли, закрепленной за старшей женщиной в семье при передаче знаний о языке и культуре подрастающему поколению.

Список литературы

Агранат Т. Б. Особенности (не)передачи языка у сибирских сето // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3 (33). С. 9–18.

Исаев М. И. Социолингвистические проблемы языков народов СССР: Вопросы языковой политики и языкового строительства. М.: Высш. шк., 1982. 168 с.

Калинина О. А. Праздники в современном быту городских марийцев // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. Йошкар-Ола: Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории, 2011. С. 158–163.

Куцаева М. В. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре Московского региона. М.; СПб.: Нестор-История, 2020а. 312 с.

Куцаева М. В. Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. 2020б. № 2. С. 124–150.

Куцаева М. В. Функции этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021а. Вып. 4 (34). С. 58–72.

Куцаева М. В. Московские марийцы: этническая культура в условиях внутренней диаспоры // Этническая культура. 2021б. Т. 3, № 4. С. 6–21.

Куцаева М. В. Языковые биографии представителей марийской диаспоры Московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. 2022. № 1 (44). С. 116–153.

Fishman J. A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. *Multilingual Matters: 76*. Clevedon, 1991. 431 p.

Grenoble L. A. Why Revitalize? // *Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide* / Ed. by J. Olko, J. Sallabank. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2021. P. 9–22.

Hinton L., Huss L., Roche G. Introduction. Language Revitalization as a Growing Field of Study and Practice // *The Routledge Handbook of Language Revitalization* / Ed. by L. Hinton, L. Huss, G. Roche. 2018. P. xxi–xxx.

Smith-Christmas C. Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home. Palgrave Macmillan, 2016. 295 p.

Список источников

ВПН – Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения 15.01.2023).

Конвенция об охране нематериального культурного наследия. 2003. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения 29.01.2023).

Концепция языковой политики Российской Федерации. 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/koncepcija_jazykovo_j_politiki.pdf (дата обращения 30.01.2023).

References

Agranat T. B. Osobennosti (ne)peredachi yazyka u sibirskikh seto [Peculiarities of language (non)transmission in Siberian Seto community]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021, iss. 3 (33), pp. 9–18.

Fishman J. A. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Multilingual Matters: 76*. Clevedon, 1991, 431 p.

Grenoble L. A. Why Revitalize? In: *Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide*. J. Olko, J. Sallabank (Eds.). Cambridge Uni. Press, 2021, pp. 9–22.

Hinton L., Huss L., Roche G. Introduction. Language Revitalization as a Growing Field of Study and Practice. In: *The Routledge Handbook of Language Revitalization*. L. Hinton, L. Huss, G. Roche (Eds.). 2018, pp. xxi–xxx.

Isaev M. I. *Sotsiolingvisticheskie problemy yazykov narodov SSSR: Voprosy yazykovoy politiki i yazykovogo stroitel'stva* [Sociolinguistic problems of languages of the peoples of the USSR: Questions of language policy and language planning]. Moscow, Vyssh. shk., 1982, 168 p.

Kalinina O. A. Prazdniki v sovremennom bytu gorodskikh mariytsev [Holidays in daily life of Urban Maris]. In: *Razvitie gumanitarnykh issledovaniy v Respublike Mariy El* [Development of Humanities in the Republic of Mari El]. Yoshkar-Ola, Mar. nauch.-issled. in-t yaz., lit. i istorii, 2011, pp. 158–163.

Kutsaeva M. V. Funktsii etnicheskogo yazyka v mariyskoy diaspore moskovskogo regiona [Functions of the ethnic language in the Mari diaspora of the Moscow region]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2021, iss. 4 (34), pp. 58–72.

Kutsaeva M. V. *Funktsionirovanie etnicheskogo yazyka v chuvashskoy diaspore moskovskogo regiona* [Functioning of ethnic language in Chuvash diaspora of Moscow region]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2020a, 312 p.

Kutsaeva M. V. Mariytsy Moskvy: etnicheskaya identichnost' i yazykovaya loy-al'nost' v usloviyakh vnutrenney diaspory [Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty]. *Rodnoy Yazyk (Mother Tongue)*. 2020b, no. 2, pp. 124–150.

Kutsaeva M. V. Moskovskie mariytsy: etnicheskaya kul'tura v usloviyakh vnutrenney diaspor [Moscow Mari: Ethnic culture in the internal diaspora]. *Ethnic Culture*. 2021b, vol. 3 (no. 4), pp. 6–21.

Kutsaeva M. V. Yazykovye biografii predstaviteley mariyskoy diaspory moskovskogo regiona (urozhentsev rayonov rasprostraneniya lugovogo mariyskogo yazyka v Respublike Mariy El) [Language biographies of the Maris of the Moscow region – the natives of the areas where the Meadow Mari language is spoken in the Republic of Mari El]. *Ural-Altai Studies*. 2022, no. 1 (44), pp. 116–153.

Smith-Christmas C. *Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home*. Palgrave Macmillan, 2016, 295 p.

List of sources

Konventsia ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya [Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, 2003]. 2003. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (accessed 29.01.2023).

Kontseptsia yazykovoy politiki Rossiyskoy Federatsii [Conception of Language Policy of the Russian Federation]. 2021. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/koncepcija_jazykovo_jpolitiki.pdf (accessed 30.01.2023).

Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2020 goda [The All-Russian Census of 2010]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (accessed 15.01.2023).

Информация об авторе

Марина Васильевна Куцаева, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Scopus Author ID 57221937702

WoS Researcher ID ABD-8944-2021

Information about the author

Marina V. Kutsaeva, Candidate of Philology, Researcher, Department of the Ural-Altai Languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
Scopus Author ID 57221937702
WoS Researcher ID ABD-8944-2021

*Статья поступила в редакцию 01.02.2023;
одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 29.06.2023
The article was submitted on 01.02.2023;
approved after reviewing on 29.06.2023; accepted for publication on 29.06.2023*